

Каразин Николай Николаевич

Наль

Роман в 3 частях

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Николаевич К.**
Наль: Роман в 3 частях / Каразин Николай Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 588 с.

ISBN 978-5-519-88200-2

ISBN 978-5-519-88200-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

скихъ семьяхъ, а посему вполне надежную компаньонку своей дочери — Эллисъ. Вотъ и все, что могли узнать любопытствующие непосредственно отъ банкира и членовъ его семьи. Но этого имъ казалось мало. Всѣ эти данныя были слишкомъ просты и обыкновенны для такой необыкновенной особы, какова была Агнеса Блэквудъ.

Дѣвица Эллисъ выѣзжала на балы и вечера къ знакомымъ всегда въ сопровожденіи своей мамы, но не новой компаньонки; исключеніе въ этомъ случаѣ составляла только опера, но заходившихъ въ ложу банкира не знакомили съ Агнесой Блэквудъ. На вечерахъ и даже большихъ балахъ въ домѣ банкира красавица-англичанка появилась только разъ, по исключительное вниманіе, оказанное чужестранкѣ посѣтителеми, кажется, не понравилось хозяйкѣ—и съ этого дня Агнеса Блэквудъ при гостяхъ въ залахъ не показывалась болѣе.

Все это казалось страннымъ, невольно вызывающимъ всевозможные толки... Злые языки говорили, что между самимъ банкиромъ и его супругою отношенія измѣнились къ худшему.

Но вѣдь отъ злыхъ языковъ уберечься невозможно.

Въ Петербургѣ въ то время жилъ очень богатый баринъ, отставной генералъ, Николай Сергѣевичъ Рубанъ-Опальный. Получивъ блестящее свѣтское образованіе, обладая сильными связями, Николай Сергѣевичъ скоро выдвинулся впередъ и генеральскіе эполеты надѣлъ очень рано.

Крайне самолюбивый, нетерпящій подчиненія, служившій, что называется, только изъ чести,—онъ въ одно прекрасное утро, кѣмъ-то или чѣмъ-то обиженный, подалъ въ отставку и облекся въ черный сюртукъ штатскаго покроя.

Онъ былъ молодцовато-красивъ, веселъ, остро-

умень, богатъ... Что-же нужно болѣе, чтобы быть баловнемъ судьбы и общимъ любимцемъ. Маменьки и папеньки, имѣющіе дочерей-невѣстъ, не спускали съ него глазъ; холостяки, старые и молодые, относились къ нему съ подобострастнымъ уваженіемъ; сановники баловали и упрекали, но очень ласково; за то, что бросилъ службу и лишилъ ихъ возможности тянуть его на высшія іерархическія ступени, сами, впрочемъ, втайнѣ завидуя его положенію,—спокойному, обеспеченному и свободному, какъ воздухъ.

А жилось Николаю Сергѣевичу не дурно.

Самъ онъ, не замѣчая, какъ это случилось, протянулъ до сорока лѣтъ холостякомъ, спасшись отъ соблазнительныхъ узъ Гименей... Самъ онъ не помнилъ, былъ-ли онъ хоть разъ влюбленъ,—кажется, былъ,—но это случилось такъ давно, еще до офицерскихъ эполетъ—и давно уже кануло въ вѣчность... Теперь уже какъ-будто и поздновато было думать о бракѣ: Николай Сергѣевичъ и не думалъ... Хотя за него, несмотря на довольно зрѣлый возрастъ, думали еще многіе. Въ числѣ этихъ думающихъ были и банкиръ со своею супругою.

Интересный холостякъ, впрочемъ, не очень тяготился своимъ одиночествомъ. У него былъ роскошный домъ-музей въ одной изъ лучшихъ улицъ Литейной части, превосходный поваръ-французъ, старшій конюхъ-англичанинъ, титулуемый даже шталмейстеромъ,—и жилъ Николай Сергѣевичъ довольно открыто. По четвергамъ обѣды на сорокъ приборовъ; ежедневно—не болѣе девяти: это почему-то считается поварами максимальнымъ числомъ для тонкаго обѣда высшей кулинарной-школы. Въ карты генералъ не игралъ вовсе, терпѣть даже не могъ ихъ и потому не посѣщалъ клубовъ. Единственную страстью его была охота, и въ его кабинетѣ, въ

роскошныхъ шкапахъ, хранился цѣлый арсеналъ дорогаго оружія. Кромѣ того, онъ поощрялъ балетъ, но умѣренно, не дѣлая, впрочемъ, особенныхъ различій между его звѣздами.

И вотъ, этотъ-то баловень судьбы, страстно относящійся только къ лошадямъ, собакамъ и оружію, заинтересовался, и очень серьезно, таинственною англичанкой.

Сначала онъ началъ, нѣсколько чаще чѣмъ слѣдуетъ, посѣщать домъ банкира; тамъ, конечно, были этому очень рады, перетолковавъ эти посѣщенія по-своему. Но вышло такъ, что интересная миссъ Блэквудъ не показывалась, а менѣе интересная дѣвица Эллисъ показывалась слишкомъ уже назойливо.

Наконецъ, эта назойливость приняла такой оборотъ, что Николаю Сергѣевичу пришлось отказаться отъ такого пути сближенія съ Агнесою Блэквудъ.

Это его стало замѣтно раздражать и подстрекать на большую настойчивость. Нашлись близкіе пріатели, замѣтившіе это увлеченіе Николая Сергѣевича,—и до его ушей стали долетать иногда весьма остроумныя, чаще же довольно пошловатыя шутки.

Въ числѣ знакомыхъ Рубанъ-Опальнаго были кое-кто изъ членовъ англійскаго посольства; тамъ онъ узналъ, что отцомъ красавицы былъ майоръ Блэквудъ, убитый въ Индіи во время послѣдняго возстанія, то-есть, очень недавно; болѣе же—ровно ничего. А когда Николай Сергѣевичъ, рискуя сдѣлать крупную безтактность, обратился съ разспросами къ хозяевамъ дома, то получилъ отвѣтъ сухой и крайне уклончивый.

— Вы знаете, что мой мужъ очень добръ,—сообщила банкирша, — онъ, несмотря на свои за-

нѣтя исключительно только съ сухими цифрами, сохранилъ нѣжное, истинно-христіанское сердце. Это была случайная встрѣча... бѣдная сирота... Вы понимаете?..

— Несчастливая дѣвушка!—поддержалъ банкиръ, но былъ остановленъ выразительнымъ взглядомъ своей супруги.

И вотъ однажды Николай Сергѣевичъ рѣшился на безтактность еще болѣе крупную. Владѣя англійскимъ языкомъ, онъ написалъ самой Агнесѣ Блэквудъ. Содержаніе письма было слѣдующее.

Прежде всего онъ отрекомендовался обстоятельно и подробно, затѣмъ просилъ прощенія за свою дерзость, далѣе объяснилъ причины, вызвавшія его на такую безтактность,—и тутъ же выразилъ свое пламенное желаніе быть ей полезнымъ. Подъ конецъ онъ просилъ миссъ Блэквудъ указать ему способъ, если не сближенія, то, по крайней мѣрѣ, знакомства и возможности лично высказаться.

Какъ ни скрывалъ при этомъ свои чувства авторъ письма, какъ ни занятъ былъ мыслью не допустить ничего могущаго оскорбить строгую пуританку,—онъ предполагалъ ее именно такою,—но, тѣмъ не менѣе, истинное чувство сквозило сквозь строки, змѣнилось между словъ и придавало письму теплый колоритъ, дышащій хотя, можетъ быть, и братскою, но все-таки—любовью.

«Она, очевидно, несчастна въ этой несимпатичной семьѣ и, конечно, изъ-за куска хлѣба»,—рѣшилъ про себя Николай Сергѣевичъ и остановился на этомъ рѣшеніи.

Отправивъ письмо, съ особыми предосторожностями, дабы оно не миновало должныхъ рукъ, Рубанъ-Опальный испытывалъ необыкновенное волненіе и даже сожалѣлъ, что сдѣлалъ такую глупость, достойную развѣ неопытнаго, влюбленнаго юнкера...

и вдругъ почему-то убѣдился, что письмо останется безо всякаго отвѣта.

Но отвѣтъ былъ полученъ и даже сравнительно скоро.

«Глубоко тронута вашимъ вниманіемъ ко мнѣ, писала Агнеса Блэквудъ.— Письмо ваше проникнуто чувствомъ искренняго и вполне чистаго участія. Благодаря добротѣ мистера Зильбервельтъ (имя банкира) и его уважаемой супруги, я ни въ чемъ не нуждаюсь. Что же касается болѣе близкаго знакомства съ вами, то боюсь, что оно не доставитъ особаго интереса такому блестящему представителю высшаго русскаго общества, а потому предоставляю это знакомство возможной случайности, но не берусь его сама устраивать».

Подписано просто: «Агнеса Блэквудъ».

Николай Сергѣевичъ былъ очень не въ духѣ, получивъ и прочитавъ это письмо. Въ тотъ же день онъ уѣхалъ на охоту, предполагая пробыть въ Новгородской губерніи всю недѣлю.

«Нѣтъ, надо провѣтриться, — рѣшилъ онъ, — чтобы не надѣлать еще большихъ глупостей».

Но рѣшеніе свое онъ не привелъ въ исполненіе: охота заняла его менѣе, чѣмъ всегда. Поваливъ на берлогѣ перваго медвѣдя, онъ неожиданно вернулся въ Петербургъ, вспомнивъ, что это день его абоне-мента въ оперу.

Увы! Въ ложѣ банкира на этотъ разъ были только три лица — именно, желаннаго, четвертаго, не оказалось.

Едва досидѣвъ первый актъ, Николай Сергѣевичъ вышелъ изъ театра, отыскалъ Кузьму и своего вороного рысака и покатилъ домой. Вдругъ, не доѣзжая до поворота въ Мѣщанскую, онъ крикнулъ кучеру: «стой!» — и стремительно выскочилъ изъ саней.

По тротуару шла женщина высокая, стройная, съ опущенною на лицо вуалью. Николаю Сергѣвичу показалось, что это *она*.

«Фу, какъ глупо! Подойти на улицѣ, на тротуарѣ... Ни за что!» — мелькнуло было у него въ головѣ. Но онъ все-таки подошелъ. Краска невольнаго стыда бросилась ему въ лицо, но онъ подошелъ и заговорилъ:

— Миссъ Блэквудъ... Простите... Бога ради простите... Я...

Рубанъ-Опальный назвалъ свою фамилію.

Англичанка вздрогнула, остановилась и смѣрила его взглядомъ.

— Не вѣрю! — произнесла она спокойно. — Тотъ почтенный джентльмэнъ, чье имя вы сейчасъ назвали, не остановилъ бы на улицѣ даму, которой не былъ представленъ!

«Подѣломъ!» — опустилъ голову Николай Сергѣвичъ, пробормоталъ:

— Простите... я жестоко наказанъ! — и, снявъ шляпу, отвѣсилъ самый почтительный поклонъ.

«Выслѣдить! — подумалъ онъ, садясь въ сани. — Ни за что!.. Гадко»!..

А стройная красавица шла все впередъ и впередъ, даже не ускоряя шага, не обернувшись ни разу — даже не взглянувъ на него, когда тотъ пронесся мимо, все еще съ приподнятою надъ головою шляпой.

Впервые провелъ Николай Сергѣвичъ ночь безпокойную, полную самыхъ неукротимыхъ волненій; онъ, кажется, писалъ, даже много писалъ, не помнилъ, какъ заснулъ, полуодѣтый, но утромъ дѣйствительно нашелъ на своемъ письменномъ столѣ письмо, писанное его рукою, и прочиталъ его со вниманіемъ, какъ нѣчто даже новое.

Въ этомъ письмѣ было формальное предложеніе

руки и сердца, только оно было написано крайне пылко, отрывисто и уже черезчуръ страстно.

— Такъ значить и быть! Сама судьба писала моею рукою!—рѣшилъ онъ и сѣлъ приводить письмо въ порядокъ, придать ему видъ и слогъ, вполне приличный такому важному рѣшенію и его солидному положенію.

«Вотъ поднимутся въ городѣ толки... Вотъ пойдетъ переполохъ!»—подумалъ влюбленный генералъ, вдругъ расхохотался и велѣлъ подавать одѣваться.

Письмо было отправлено, и весь день Николай Сергѣевичъ былъ въ прекрасномъ, даже праздничномъ настроеніи духа.

Отвѣтъ послѣдовалъ такъ же своевременно. Его благодарили за честь, оказанную простой дѣвушкѣ, сиротѣ, безъ средствъ и положенія въ обществѣ, и желали поговорить лично. Адресъ былъ указанъ такъ: «Мѣщанская, № дома и № квартиры. Среда, ровно въ девять вечера».

Такая простота отвѣта, даже нѣкоторая вульгарность, очень озадачила Николая Сергѣевича.

«Позвольте—что-же это?»—подумалъ онъ и тотчасъ-же догадался, «о, это интрига—это шутка!.. Очевидно его письмо не попало въ должныя руки, прочтено, и его самого хотятъ поставить въ смѣшное положеніе»...

Но все-таки, въ назначенный день и часъ, Рубанъ-Опальный явился на мѣсто. Спросилъ дворника, куда пройти, и сталъ подниматься по несовсѣмъ опрятной, полутемной лѣстницѣ, добрался до четвертаго этажа и позвонилъ.

Дверь ему отворила скромно одѣтая и очень почтенная на видъ старушка и, ничего не спрашивая, произнесла:

— Пожалуйста прямо, вотъ въ эту дверь,—не заперто!

Николай Сергѣевичъ вошелъ, сбросивъ шубу на руки старушки.

Первая комната, освѣщенная лампой подъ голубымъ абажуромъ, стоявшею на овальномъ предиванномъ столикѣ, была въ два окна и меблирована крайне просто. Здѣсь никого не было, но изъ сосѣдней комнаты, надъ дверью которой была спущена тяжелая занавѣсь, слышался слабый плачь ребенка... Чуть донесся этотъ звукъ, по холодный потъ выступилъ на лбу Николая Сергѣевича, и онъ почувствовалъ, будто полъ уходитъ куда-то изъ подъ его ногъ.

Не успѣлъ онъ оправиться, какъ передъ нимъ стояла она, сама Агнеса Блэквудъ, смотрѣла прямо въ упоръ въ его глаза, и такъ грустенъ, такъ полонъ глубокой печали былъ этотъ взоръ, что гость поспѣшилъ произнести:

— Что съ вами?

Она улыбнулась, и, ему показалось, что по ея щекѣ скатилась бриллиантовая капля.

— Садитесь!—указала она на стулъ и сама сѣла,—заботливо поглядывая на занавѣшенную дверь.

Николай Сергѣевичъ повиновался.

— Конечно, васъ озадачило мое письмо... Мое предложеніе, болѣе чѣмъ поспѣшное...—началъ было онъ.

— Да, озадачило, — отвѣчала она просто. — Я много получала здѣсь писемъ отъ разныхъ лицъ вашего круга, но эти письма были слишкомъ оскорбительны. Ваше — меня тронуло. Я вижу, что вы человекъ честный, сильно увлекшійся мною, то-есть, скорѣе—моею вѣжностью (она снова улыбнулась) — можетъ быть, даже любящій, или, вѣрнѣе, влюбленный... И я рѣшилась открыть вамъ глаза. На комъ вы хотите жениться?

— Миссъ Блэквудъ!.. — началъ было Николай Сергѣевичъ.

— Это все, что вы знаете... О, какъ это мало!.. Я видѣла ваше лицо, какъ оно измѣнилось только отъ того, что вы слышали голосъ ребенка, отъ одного подозрѣнія... Это мой...

Когда женщина даже не обладаетъ красотою, у ней бываютъ минуты, въ которыя она становится красивою. Но эти минуты бываютъ только у матерей... Высшее чувство женщины — материнская любовь—въ такія минуты кладетъ особую, святую печать на лицо.

Агнеса Блэквудъ такая именно стояла передъ Николаемъ Сергѣевичемъ. Онъ тихо наклонился къ ея опущенной рукѣ и поднесъ эту руку къ своимъ губамъ.

— Это мой отвѣтъ!—произнесла она.

И слышалось въ этомъ звукѣ и рѣшеніе, и вмѣстѣ вопросъ.

— Кто отецъ его?—заговорилъ Николай Сергѣевичъ.

— Вы...

Онъ взглянулъ на нее и даже отшатнулся.

— Вы, — повторила она, — если вы способны воспитать въ себѣ это чувство: только тогда онъ никогда не узнаетъ, что у него есть другой отецъ, кромѣ васъ, и вы должны глубоко повѣрить этому... потому что въ этомъ, только въ этомъ и мое счастье, и его... моего...

Агнеса не договорила. Послышался снова чуть слышный дѣтскій плачъ. Красавица взяла за руку Николая Сергѣевича, и тяжелая драпировка колыхнулась, скрывъ ихъ обоихъ.

Черезъ часъ они вышли.

Растроганнымъ голосомъ, въ которомъ чувствовались непритворныя слезы, Николай Сергѣевичъ говорилъ:

— Дорогая моя, клянусь вамъ Богомъ и своею

честью, что счастье ваше и нашего сына будетъ и моимъ единственнымъ счастьемъ!

— Нашего?... Вы сказали *нашего*?... О, повторите еще разъ... ради всего святаго!

— Нашего!—твердо и ясно повторилъ Николай Сергѣевичъ.

Агнеса Блэквудъ вдругъ упала передъ нимъ на колѣни, цѣлуя ему руки.

Онъ силою поднялъ ее, посадилъ рядомъ и не спускалъ глазъ съ этого дивнаго лица, обрамленнаго ореоломъ живаго, распадающагося по плечамъ золота.

Дѣйствительно, Петербургъ заговорилъ...

Но, тѣмъ не менѣе, свадьба была отпразднована шумно и гласно; только на другой день послѣ свадьбы, молодые уѣхали за границу, да такъ неожиданно и тайно, что даже въ домѣ Николая Сергѣевича никто не зналъ объ этомъ, и распоряженія по дому старшій дворецкій Григорій Ивановичъ получилъ съ почтою изъ Луги.

Лѣтъ восемь продолжалось это отсутствіе. Наконецъ, Рубанъ-Опальные вернулись, но уже не вдвоемъ, а въ сопровожденіи прелестнаго мальчика, смуглаго, быстроглазаго, необыкновенно, по мнѣнію окружающихъ, похожаго и на мать нѣсколько, и, главное, на отца, на глубокоуважаемаго Николая Сергѣевича.
